

п ж
а и
у з
т н
и и
н
а

Людмила Бешенцева

Людмила Бешенцева

Паутина жизни

<https://litres.ru/74617933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Англия, канун крестового похода. Эдвина — дочь сельского священника, выросшая среди трёх братьев. Дома ей уготовано одно: выйти замуж и вести хозяйство. Но по ночам она убегает в лес и учится драться на палках, повторяя за братьями.

Когда отец находит ей жениха — старого лорда, пережившего двух жён, — Эдвина решает бежать. Она обрезает волосы, перематывает грудь, надевает мужскую одежду и берёт имя Эдвин. Так начинается её путь: дороги, лагеря, служба оруженосцем у рыцаря, идущего в Святую землю, и первая битва, к которой её никто не готовил.

Это история о девушке, которая выбрала не тот путь, что ей предназначали. О вере, которая помогает идти вперёд. И о тайне, которую нужно пронести через всю дорогу.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Людмила Бешенцева

Паутина жизни

Глава 1

Меня нарекли Эдвина. Имя сие дала мать в тот час, когда отец, священослужитель Леофрик, нёс свой крест в нашей деревянной церкви, где пахло воском, сыростью и ладаном, и где под гул ветра за окном он просил у Господа сына.

Господь же даровал ему дочь. Отец не роптал, ибо был человеком благочестивым, но в глазах его, когда он смотрел на меня, всегда тлела одна и та же мысль: лишний рот, ненужная забота, бесполезная тень в доме, где должны были расти воины и служители алтаря. Мать звала Эдвиной, и в этом имени было что-то от отцовского несбывшегося сна: Эдвин — так должен был называться первенец, сын, наследник, крестоносец. Женское окончание сидело на мне, как чужая одежда, слишком тесная в плечах и слишком длинная в подоле.

Братья мои — Годфрид, Освин и Вульфрик — были крепки, как молодые дубы. Годфрид готовился принять меч из рук епископа и уйти в Святую землю; Освин мечтал о рясе и книгах; Вульфрик, самый младший, уже носил за отцом кадило и говорил о подвигах так, будто сам видел архангела

с огненным копьём. Меня же отец наставлял кратко и без нежности:

— Твой свет, Эдвина, в том, чтобы выйти замуж, родить новую жизнь и вести дом. Жена — венец мужа, а мать — корень рода. Не ищи иного, ибо иное не для тебя.

Мать учила тому, что должна была знать дочь священника: замешивать хлеб, солить свинину, пряхть лён, штопать рубахи, лечить лихорадку отваром тысячелистника, принимать роды у крестьянок, когда повитуха не успевала. Всё это лежало в руках её, всё это умелось.

Но по ночам, когда дом затихал и только сверчки в траве вели свою бесконечную службу, ноги сами несли в лес. Там, под старыми вязами, где луна просеивалась сквозь листву, в руки бралась палка, и ею повторялись движения, подсмотренные у братьев. Рубить воздух, колоть, парировать, падать, вставать, снова рубить. Ветки хлестали по лицу, колючки рвали подол, но боли не чувствовалось.

В сердце жила вера — простая, тёмная, как лесная вода, — что Господь даровал всё это ей во благо. Он дал длинные руки, крепкие кости, тяжёлый шаг и сердце, которое не боялось ночи. Бог дал мужскую силу и женское имя. Зачем — неведомо. Но некогда сией судьбе должно было открыться её путь истинный.

Время шло. Из маленькой, не слишком красивой пигалицы выросла девушка, но такая, каких редко зовут под окнами, шепча о любви. Ростом — в отца, выше братьев; плечи

широки, ладони грубы, лицо обветрено, подбородок твёрд, как камень. Грудь мала, и это было почти утешением. Волосы светлы, как лён, и длинные, как девичья молитва, но их редко видели распущенными. Заплетались туго, прятались под платок, и ненависть к ним росла тихо, как сорная трава.

— Красота твоя в другом, Эдвина, — говорила мать. — В руках, терпении, а главное в вере.

Пару раз путали с мужчиной. Один раз — на рынке в Дунхольме, когда в отцовском плаще несла мешок соли. Другой раз — в лесу, когда лесоруб окликнул: «Эй, парень, подсобь!»

Обиды не было. Напротив, внутри что-то тихо засмеялось, будто птица в клетке, которая вдруг почуяла, что дверца не заперта. Но угнетала лишь та мысль, что дорогой папенька нашёл жениха и спешил поскорее сбавить старику.

Его звали лорд Херевард из Блэкмура. Шестьдесят зим, если не больше. Поместье, две мельницы, стадо овец и гнилые зубы. Две жены уже лежали в могилах, и обе, как шептались в деревне, не прожили с ним и года. Приехал он в канун Михайлова дня, в чёрном плаще, с перстнем на скрюченном пальце, и смотрел так, как мясник смотрит на тушу: не с похотью, а с расчётом. Нужна была жена, чтобы родить наследника, и отец Леофрик, дорогой отец, нашёл в этом волю Божию.

— Лорд Херевард — человек почтенный, — сказал он за ужином, когда глаза были опущены в миску. — Он даст тебе

дом, землю и имя. Ты будешь госпожой, Эдвина. Разве не об этом мечтает всякая девица?

— О другом, отец, — тихо ответилось само по себе.

— О другом мечтают только глупые, — отрезал он. — Умная девица мечтает о хлебе, очаге тёплом, детишках обутих и тепло одетых.

Мать молчала. Она смотрела через стол, и в её глазах было столько любви и столько бессилия, что едва не прорвались слёзы с моих глаз. Но слёзы застыли в душе. Уже тогда было ясно: слёзы — это вода, которая не тушит огня.

Свадьбу назначили на первое воскресенье после Мартынова дня. Гости должны были съехаться из трёх деревень. Отец зарезал лучшего барана, мать достала из сундука белое полотно, которое пряла ещё её мать. Шилось платье. Плелся венок. Готовились слова, которые должны были стать клятвой престарелому мужу. А в это время считались не часы — дни. Каждый закат был ударом колокола. Новое утро — шагом к алтарю, у которого ждал старик с гнилыми зубами.

За три дня до свадьбы была исповедь. Не отцу — другому священнику, старому и глухому, который жил в соседней деревне. Ему было сказано мной, что страшно. Он спросил устало:

— Чего ты боишься, дочь моя?

— Что Господь не хочет этой свадьбы, как и я, — ответ сам сорвался с дрожащих губ.

Он долго молчал, а потом сказал:

— Господь хочет послушания для женщины.

— Послушания кому? — вопрос слетел сам по себе, слишком резко.

Он не ответил, лишь дал епитимью: тридцать молитв и пост. Всё было исполнено. Молитвы были такими, что колени стали чёрными. Пост был тягучим, настолько, в глазах потемнело. Но ответа не было. Только тишина, в которой всё яснее слышался голос: «Беги».

В ночь перед свадьбой лежала в своей клетке, на соломенном тюфяке, и слушала, как в доме ходит семья. Мать гремела посудой. Отец читал молитвы. Братья спали. За окном выл ветер. Взгляд упёрся в потолок, но виделась не балка, а жизнь: вот стою у алтаря, дальше кольцо на пальце, вскоре и дети, за ней — смерть, по итогу душа, так и не узнавшая, зачем Господь дал силу воина. Стало страшно. Не смерти испугалась — жизни из собственных мыслей, и вдруг всё стало понятно: если не убежать сегодня, то не сбежать никогда из этого тлена.

Встала тихо, как мышь. В углу стоял сундук с одеждой братьев. Оттуда были достаны старые штаны Освина, туника Вульфрика, кожаный пояс Годфрида. Всё это пахло дымом, потом и мужской жизнью, которой ей не позволяли жить. Потом был достат нож. Маленький, с деревянной рукоятью, которым мать резала хлеб. Он был взят в руки, и взгляд упал на волосы. Они лежали на плечах, светлые, как спелая рожь. Было ясно, что делается необратимое. Но также было ясно,

что Господь видит не волосы, а сердце, вере отданное.

Начала резать несмело. Первые пряди упали на пол, и показалось, что слышится их крик. Следующий срез — быстрее, смелее, неровно совсем, не думая о красоте. Резалось так, как рубят канат, который держит лодку у берега. Когда волосы стали короткими, как у послушника, голова стала легче. Не только голова — душа будто невесомость обрела. В осколке зеркала отразился незнакомый юноша: серые глаза, твёрдый подбородок, светлый ёжик волос.

Рука прошла по затылку, и улыбка появилась впервые за много дней. Потом были взяты льняные полосы, которые мать приготовила как приданое. Грудь была перемотана крест-накрест, туго, так туго, что рёбра застонали. Дыхание стало коротким, как у загнанной лани, но узлы не ослабли. Было ясно: если хоть раз ослабить, всё рухнет. Сверху была надета рубаха, туника, плащ. Пояс затянулся. Стала выше, шире, твёрже.

Родилась заново тем, кем должна была быть изначально. В дверях — остановилась. На столе лежал хлеб, который мать испекла для свадебного пира. Была взята краюха, кусок сыра, фляга воды. Закинула серебряную монету, которую дала бабушка перед смертью, маленький крестик, который носила с рождения. Хотелось уйти неслышно, но дверь скрипнула, и в тёмном коридоре показалась мать.

Она стояла в одной рубахе, с распущенными волосами, и смотрела. Но не закричала, не заплакала. Матушка долго

смотрела на короткие волосы, на мужскую одежду. Потом подошла и сказала тихо, так тихо, что ветер почти заглушил слова:

— Знала, что уйдёшь.

— Матушка...

— Не говори ничего. — Она положила в руку узелок. — Здесь хлеб, сыр, игла, нитки и немного денег. Тут также твоя старая рубашка. Не выбрасывай её. Пусть будет с тобой, как память о том, что не всегда была мужчиной. Но помни: теперь ты не Эдвина. Эдвина осталась здесь, в этой клетке, в свадебном платье, в подвенечном венке. Эдвина умерла. Ты понял меня?

Кивок. В горле стоял ком.

— Как тебя звать? — спросила она.

Задумалась. Имя должно было быть мужским, но не чужим. Оно должно было родиться из прежнего. Обязано было быть честным перед Богом, и ответ созрел мимолётно:

— Эдвин.

Мать закрыла глаза. По её лицу прошла тень, похожая на улыбку.

— Эдвин, — повторила она. — Сын, которого не дождался твой отец. Что ж, пусть будет так. Эдвин из Дунхольма. Сын кузнеца. Паломник. Воин Христов. Только не забывай: Господь видит тебя. А я буду молиться за своего сына каждую ночь.

Она перекрестила. Хотелось обнять её, но матушка отсту-

пила.

— Иди, — сказала она. — И не оглядывайся. Если оглянешься, отец проснётся.

Ночь приняла меня легко. Холодный воздух ударил в лицо. Луна была высоко, и двор казался серебряным. Пробралась в конюшню. Там стоял гнедой конь, которого лорд Херевард подарил как свадебный дар. Мой скакун был оседлан дрожащими руками. Он фыркнул, но не заржал. Я же сняла со стены отцовский старый меч. Он был тяжёл, но теперь был моим.

К седлу привязала мешок с едой, флягу, плащ. Последний взгляд упал — на дом. В окне материнной клетки горела свеча. Это было немое прощание и одобрение. Пятками ударила коня, и задние ворота остались позади. Дорога была тёмной. Ветви хлестали по лицу. Ехала всю ночь, останавливаясь только чтобы напоить коня.

К рассвету Дунхольм остался далеко позади. Я впервые вышла на большую дорогу, которая вела к Лондонской крепости. Там же увидела людей, которые не знали прежнего имени. Пилигримы, торговцы, бродячие монахи, солдаты. Никто не спрашивал, кто я. Никто не называл Эдвиной. Для них была — лишь юношей в плаще, с мечом и конём. Для себя — самой собой, без фальши и лжи.

К полудню — развилка завела меня в деревушку. Там стоял трактир, а у трактира — отряд всадников. Их было пятеро. Один, высокий, седой, в кольчуге, с крестом на пла-

ще, показался рыцарем. Я подъехала ближе. Он посмотрел и спросил:

— Кто таков?

— Эдвин, — ответила я, и голос не дрогнул. — Сын кузнеца. Иду в Святую землю.

Рыцарь усмехнулся.

— В Святую землю? Мальчик, ты хоть знаешь, где она?

— Там, где Господь пролил кровь, — сказала я. — И я хочу пролить свою.

Он замолчал. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Я сэр Эдгар из Кирквольда, — сказал он. — Иду в Лондонскую крепость, а оттуда — в Нормандию, чтобы присоединиться к крестовому походу. Мой оруженосец умер от лихорадки три дня назад. Ты умеешь обращаться с мечом?

— Умею, — ответила я.

— Тогда покажи.

С этими словами старик бросил мне палку. Я поймала её на лету. Сам взял другую. Мы встали друг против друга. Он был старше, тяжелее, опытнее. Но скорость была на моей стороне. Всё, чему научил лес, вспомнилось. Уклонение, парирование, удары. Через минуту палка сэра Эдгара оказалась в моей руке, а рыцарь стоял, потирая плечо.

— Кто тебя учил? — спросил он.

— Никто, — ответила я. — Господь.

Он рассмеялся. Это был хороший смех, без злобы.

— Что ж, Эдвин, сын кузнеца, — сказал он. — Отныне ты мой оруженосец. Будешь чистить мой доспех, кормить коня, носить копье и молчать, когда я молчу. Если солжешь мне хоть в чём-то — выгоню. Если предашь — убью. Понял?

— Понял, — ответила я.

Так началась моя служба оруженосца. Это слово запомнилось мне на всю жизнь: оруженосец. Помощник рыцаря. Незримая, но важная тень рыцаря. Его руки, глаза, порой и щит. Я чистила доспехи, седлала коня, точила меч, готовила ужин. Спала у костра, закутавшись в плащ. Училась говорить низким голосом, не улыбаться слишком мягко, не отводить взгляд. Училась тому, чему не учат девушек: как держать копье, как носить тяжесть, как молчать, когда хочется кричать.

Труднее всего было с телом. Каждое утро я уходила в кусты, чтобы перемотать грудь. Каждую ночь ждала, пока все заснут, чтобы снять полосы и вздохнуть. Не мылась с мужчинами. Не ходила с ними в баню. Говорила, что дала обет целомудрия и не могу видеть наготы. Они смеялись, но не трогали.

Молилась каждый день. Просила у Господа прощения за ложь, но не за побег. Побег — не грех. Это был ответ на Его зов. Сэр Эдгар был суров, но справедлив. Он учил меня не только воинскому делу, но и тому, как читать людей. Старик часто говорил:

— Меч — это последний шаг. Сначала побеждает тот, кто видит, первым слышит, а главное думает. Ты слишком горяч,

Эдвин. Учись холодности.

Я училась. Внимала всем словам. Смотрела, как он молится, как говорит с Богом просто и твёрдо, как с командиром. Видела, как помогает бедным, как защищает слабых. Видела, убитых его рукой. И поняла, что рыцарь — это не только меч. Это крест, который несут до смерти.

Мы шли на юг. По дороге присоединялись новые люди. Крестьяне с вилами, бывшие разбойники, младшие сыновья лордов, которым не досталось наследства. Все они говорили о Святой земле. Все они хотели освободить Гроб Господень. Я слушала и думала: а я? Кого хочу освободить я? Себя? Или Господа? Я не ведала сама. Знала только, что нужно идти вперёд. Однажды вечером, когда лагерь стоял у реки, сэр Эдгар спросил:

— Эдвин, а ты не боишься смерти?

— Боюсь, — ответила я честно.

— И я боюсь, — сказал он. — Только глупцы не боятся. Но есть вещи страшнее смерти. Например, прожить жизнь, не исполнив воли Божьей.

Я подняла на него взгляд. Он смотрел в огонь. Я увидела, что он говорит не о мне, а о себе. И в тот миг полюбила его — не как мужчину, а как друга. Как отца, которого никогда не было. Хотелось сказать ему правду. Но я не могла. Не потому, что не доверяла. А потому, что правда могла убить нас обоих.

На третий день пути мы подошли к Лондонской крепо-

сти. Оттуда доносился дым и крики. Сэр Эдгар остановил отряд. Послал меня вперёд — разведать. Я ехала одна, низко пригнувшись к шее коня. Видела, как горят дома. Наблюдала, как люди бегут в лес. Заметила и всадников в тёмных плащах, которые грабили церковь. Они не были сарацинами. Были такими же христианами, как и мы, — дезертирами, разбойниками, зверьми в человеческом облике.

Монстры с человечесим ликом убивали всех, кто попадался под руку. Я вернулась к сэру Эдгару. Рассказала всё. Он выслушал молча. Потом надел шлем, взял меч и сказал:

— Господь посылает нам первую битву, Эдвин. Не бойся. Делай, как я. И молись в душе, бог всё слышит. Мы вершим его волю...

Мы атаковали их на рассвете придумав план захвата. Я ехала рядом с сэром Эдгаром. Сердце колотилось так, что слышалось в ушах. В руке держала меч. Он был тяжёл, но лежал в руке крепко. Я видела перед собой разбойников, их порой смеющиеся лица. Зацепила взглядом, как один из них замахнулся на женщину с ребёнком. И тогда я закричала. Не словами — криком.

Крик был таким, как кричат не люди, а звери. Я бросила коня вперёд. Удар мечом. Первый удар был неуклюж, но он попал в цель. Лезвие вошло в плоть. Кровь брызнула на лицо. Она была горячая. Хотелось остановиться, но я уже не могла. Рубила, колола, парировала. Не думала. Делала. Это был меч в руке Божьей.

Когда всё закончилось, я стояла среди тел. Дыхание было тяжёлым. Тошнило. Я упала на колени, и всё, что было в желудке, вырвалось наружу. Сэр Эдгар подошёл. Ласково, по отцовски положил руку мне на плечо.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Жив, — прошептала я.

— Ты убил впервые человека, — сказал он. — Это тяжело. Но ты убил не для себя. Ты убил для них. — Он показал на женщин и детей, которые выходили из леса. — Ты воин, Эдвин. Настоящий воин.

Я подняла голову. Взгляд ушёл на небо. Оно было серым, но сквозь тучи пробивался свет. Я перекрестилась. Прошептала:

— Господи, прости меня. Но если это грех, то я приму его. Ибо не могу иначе.

Сэр Эдгар помог мне встать. Я взяла меч. Он был в крови, вытерла его о траву. Взгляд упал на отражение в луже. Из воды смотрел юноша с короткими волосами, с кровью на щеке, с глазами, которые видели смерть. Это был не тот, кто родился в Дунхольме. Родился не тот, кто носил девичье платье. То был Эдвин. Воин Христов. Оруженосец сэра Эдгара. Брат по оружию. Сын Бога.

Я вложила меч в ножны. Поправила перевязь на груди. Вдохнула глубоко. Боль в рёбрах напомнила, кто на самом деле. Но улыбка всё же появилась. Потому что теперь было ясно: Эдвина умерла. Эдвин родился. И впереди была Свя-

тая земля. Нас ждала первая настоящая битва. Впереди была жизнь, которую я выбрала сама. Я села на коня. Сэр Эдгар посмотрел и кивнул.

— Вперёд, — сказал он.

И мы поехали. На юг. К морю. К кресту. К смерти. К жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.